

Б. П. ВЫШЕСЛАВЦЕВ

Парадоксы коммунизма

La communauté est le terme fatal du socialisme! Et c'est pour cela que le socialisme n'est rien, n'a jamais rien été, ne sera jamais rien; car la communauté c'est la négation dans la nature et dans l'esprit, la négation au passé, au présent et au futur.

*Proudhon*¹

Социализм скомпрометирован русским коммунизмом!.. Русский опыт должен был бы произвести революцию в социалистических умах, но это не так легко: нет умов более косных, инертных, рабски подражательных, лишенных инициативы. И это понятно: социализм есть «опиум для народа» и он погружает в догматический сон, усыпляя разум и совесть. Аннулировать русский опыт и постараться ничему не научиться — можно двумя путями: или утверждать, что коммунизм не имеет ничего общего с социализмом, или утверждать, что в России коммунизма никогда не было.

Первый путь философски бессмыслен, ибо идеал социализма есть коммунизм. Платон, впервые показавший неумолимо предельную *идею коммуны*, был философским отцом социализма, которому подражали все социалисты. Социализм есть умаленный коммунизм, «меньшевизм». А так как русский народ во всем доходит до предела, то он и предпочел испытать «большевизм», а не «меньшевизм».

Но единство социализма и коммунизма доказывается опытом жизни, помимо всяких философских соображений: «единство пролетарского фронта» утверждается вовсе не одними только русскими коммунистами. Если советский коммунизм в своих дипломатических успехах опирается на поддержку всех социалистических партий Европы, то и социализм европейский опирается на существование большого социалистического государства и *знает*, что величайшим ударом для всех социалистических партий мира было бы свержение коммунизма русскими рабочими и крестьянами. Поэтому сколько бы не осуждали социалисты всех стран и всех толков «диктаторские террористические *методы большевиков*», — все же принципиальное единство коммунизма и социализма никогда не может быть ими отрицаемо. Доказа-

тельством тому является резолюция Марсельского Конгресса Социалистического Интернационала 1925 г. по русскому вопросу: «Интернационал снова заявляет со всею решительностью, что обязанностью всех социалистических партий... является борьба против всякой агрессивной политики, направленной против С. С. С. Р., и содействие установлению мирных политических и хозяйственных отношений с Советским Союзом. Конгресс приветствует улучшение международного положения С. С. С. Р. и констатирует устранение дипломатического бойкота, который хотели наложить на Советскую Россию *капиталистические государства*». Таким образом, Советская Россия противопоставляется, по мнению социалистического Интернационала, всем капиталистическим государствам в качестве единственного социалистического. Отчет Английской делегации и отношение английских рабочих организаций к Советской России есть мощное подтверждение «единства пролетарского фронта».

* * *

Было ли коммунизмом то, что происходило в России? Чтобы ответить на этот вопрос, мы возьмем коммунизм в самом подлинном, предельном его выражении, *в его идее*. Платон был истинным законодателем социализма и коммунизма, навеки декретировавшим его содержание. В его государстве нужно искать смысл и сущность всякого социализма в его пределе, и странным образом он же помогает нам уразуметь смысл той бессмыслицы, которая творилась в России.

1. Коммунизм есть *законничество*, декретизм — всепроникающее регулирование нормами. Гражданин ваяется законом, как статуя резцом, и нет никаких частей тела и души, которые оставались бы неприкосновенными для этого резца.

2. Коммунизм есть *этатизм*, политизм: все концентрируется в руках государства, общины, коммуны: жизнь, собственность, семья, религия, искусство.

3. Все частное право поглощается публичным правом. Платон не знает субъективных прав, непроницаемых для коммуны.

4. Платон, как и Ленин, враг демократии и всякой свободы: демократия может отменить социализм, если социализм вовремя не отменит демократию.

5. Коммуна организуется и управляется сверху, олигархически, «философами» компартии, созерцающими истинные идеи.

6. Коммуна охраняется «стражами», которые должны быть злы, как сторожевые псы, — это Чека, и в ней, по мысли Платона, участвуют и женщины.

7. Коммунизм есть по существу своему военный коммунизм и строится как казарма. Советские столовки с оловянными чашками имели своим прообразом спартанские сисситии, увлекавшие Платона.

8. Подобно современному социализму, Платон не знал, что делать с крестьянами: он колебался между коммунизмом земледельцев и оставлением им частной собственности на землю под контролем «стражей» и правителей философов. Современный социализм ни на шаг не продвинул решение этой проблемы.

9. Платон признавал только коммунистическое воспитание (комсомол), только коммунистическую поэзию и только коммунистическую музыку (никакой меланхолии, только бодрый национал!). Некоммунистические поэты изгонялись.

10. Платон уничтожал брак и семью, что остается постоянным идеалом для русского коммунизма, тщетно бьющегося над решением этой проблемы.

11. Платон знал, что коммунизм можно осуществить только насильственно, революционно, посредством преступления. Он предлагал перерезать всех старше 14-летнего возраста и воспитать новые поколения в духе коммунизма.

Вот где настоящая «жизненная драма Платона»: он хотел *добра*, но не знал, что добро, декретированное с предельной насильственностью, превращается в абсолютное зло. Драма Платона есть драма всего дохристианского и всехристианского мира: драма закона, фарисеизма, безблагодатного законничества.

Безблагодатное законничество и *политизм* всегда в истории расцветали, когда увядала христианская жизнь: так было в эпоху Ренессанса, когда явились подражатели Платона, которые сохранили и оживили его «утопию» и, передавая ее из рук в руки, донесли до наших дней. Но античная религия «законов» умерла, античный мистический идеализм угас и остался жалкий продукт безрелигиозно-корыстной души XIX века, носящий название «экономического материализма». Его идеал есть «государство свиней», а не государство людей — так Платон назвал государство, ставящее своей целью всеобщую сытость и потерявшее всякую связь с миром идей. Маркс был тем, кто довершил окончательный разрыв коммунизма со всяким «миром идей». До него все социалисты были более или менее идеалистами. Он был тем Прометеем, который решил предоставить «небо воробьям», а самому ползать по земле и жалить своих врагов в пятую.

В таком виде мы, русские, получили извращенную утопию Платона. Мы получили ее с Запада со всеми отбросами денационализированной цивилизации: с экономизмом, с материализмом,

с этикетом «научности», с классово-ненавистью, с интернационалом. Платон, конечно, бог философии. Но чем прекраснее бог, тем смешнее и презреннее обезьяна бога. И она особенно смешна, когда одета в полный европейский костюм.

Пусть же Запад и русские западники не отказываются от своих обезьян, ибо *не русский* человек «обезьяну выдумал». Нет ничего более противного для русского человека, как законничество, декретизм, комиссариат и бюрократия, составляющие сущность социализма, нет ничего более чуждого и неуместного на фоне русской природы, ее лесов, полей и деревень, как эти красные тряпки, и звезды, и лозунги. Для социализма нужна каменистая почва лондонских или парижских предместий; в русском черноземе он не пускает ростков, а лишь перегорают в нем, как падаль или навоз. И пусть этот навоз завалил всю русскую землю, не надо землетрясения, чтобы его стряхнуть: русская земля все растворит и переработает тихо и незаметно, себе на пользу.

Марксизм не нужен для крестьянства, и крестьянство всегда было не нужно для марксизма. Русская поэзия, русская музыка, русский язык отказываются вмещать марксизм. Как тут быть? Пришлось изменить язык, переименовать города и даже переименовать Россию.

* * *

Итак, где же коммунизм в России? Покажите его нам, его нет нигде! Да, нигде и вместе с тем везде. Это таинственное свойство Томас Мор выразил словом «Утопия», т. е. то, что не существует нигде, что не годится никуда, пустое место, ничто. Пустоту нельзя осязать, она нереальна, но очень реально *опустошение*. И вот коммунизм, не находя себе нигде места и нигде не воплощаясь реально, метался по русской земле, опустошая леса и поля, села и города; и это опустошение вполне наглядно и для всех очевидно. Стремясь «войти в жизнь» коммунизм вытеснял жизнь и сеял смерть, ибо где есть коммунизм, там нет жизни, а где есть жизнь, там нет коммунизма. Россия умирала, поскольку соблюдала коммунистические декреты, и жила, поскольку их нарушала. Мы ели хлеб, ели соль, передвигались, занимали квартиры, продавали и покупали, дышали и жили в *нарушение* декретов коммунизма, а коммунизм, запрещая свободу торговли, свободу передвижения, свободу совести, свободу слова, свободу союзов, делал всякую *жизнь* подпольной и преступной деятельностью. Это был самый настоящий, самый подлинный коммунизм, изготовленный фармацевтами социализма по рецептам Маркса и Энгельса. Кто однажды жил и дышал этой атмосферой (вернее, задыхался в ней), тот

не забудет никогда и нигде особый запах этих ядовитых газов, этой страшной тлетворности, вызывающей духовную рвоту. Может ли каждый русский не узнать этот знакомый «дух», который чуть его не удушил? Каждая строка Маркса и Энгельса издает этот запах; им отравлены все речи, все писания социалистов. Может ли нас, русских, интересовать, когда новые фармацевты уверяют нас, что доза «опиума» была слишком велика, или когда предлагают тот же яд с примесью других полезных вещей, напр. сахарной воды?

Нет, русский коммунизм был подлинным коммунизмом и в своем наступлении и в своем отступлении: он оставался верен себе в своей борьбе с иррационально-свободной и творчески-непокорной жизнью. И если гений коммунизма изобрел НЭП, «новый экономический принцип» — *свободу торговли*, — то это простое отступление коммунизма, оттесненного жизнью, при котором он не перестает быть неприятелем жизни и угрозой для свободы. Несовместимость коммунизма и жизненной свободы выступает у нас в России особенно ясно именно потому, что мы имели самый подлинный и радикальный коммунизм. Яд извергается или перерабатывается организмом именно потому, что он есть настоящий яд. В силу этого русский опыт коммунизма остается обязательным для всякого социалиста. Требовать от нас еще большей верности социализму и коммунизму, чем та, какую мы проявили, — значит требовать гибели всего русского народа.

* * *

Откуда явилось странное мнение, что коммунизм и социализм есть *борьба с капитализмом* и уничтожение того зла, которое существует в капитализме?

На самом деле коммунизм есть *предел* капитализма и возведение в предельную степень того зла, какое Маркс ставил в упрек капитализму:

Капитализм обращает *многих* в пролетариев, в рабочих и с развитием своим все большее количество хозяев делает рабочими — коммунизм обращает всех в рабочих, за исключением тех, кто властвует над рабочими.

Капитализм делает свободу договора для рабочего *минимальной*, почти иллюзорной — коммунизм ее *уничтожает совсем*.

Капитализм отнимает орудия производства у *многих* и сосредоточивает их в немногих руках — коммунизм отнимает орудия производства у *всех* и сосредоточивает в единых руках.

Капитализм уничтожает в значительной степени быт, религию, семью (как на это злорадно указывал Маркс) — коммунизм отрицает быт, религию, семью совсем.

Капитализм поглощает автономию *многих* частных хозяйств. Коммунизм уничтожает автономию частного хозяйства *совсем*.

Коммунизм есть монопольный и суверенный капитализм, в котором права новых «хозяев» бесконечно увеличились, а права рабочих бесконечно уменьшились. Они, собственно, равны нулю: ибо раньше рабочие имели право забастовать или перейти к новому хозяину — теперь это невозможно. Прежние хозяева властвовали *экономически*, но не политически: они не могли судить, управлять, законодательствовать; новые хозяева — делаются носителями экономической и политической власти, бесконечно более абсолютной и всеобъемлющей, чем власть помещика над крепостными. На них некому жаловаться и от них некуда уйти. Положение рабочих и крестьян безмерно ухудшается, ибо возможность эксплуатации безмерно увеличивается. То, что новые хозяева приобрели власть не наследованием и не накоплением, как старые, а насилем и захватом (революционным путем), нисколько не свидетельствует о их гуманности, а скорее говорит о жестокости, склонности к преступлению и тирании. То, что новый тиран обещает восставшим рабам при свержении старого тирана, всегда имеет мало цены.

Здесь надо искать объяснения того, откуда возникло странное мнение, что коммунизм есть «борьба с капиталом». Остроумная демагогическая подмена понятий: коммунисты искренно ненавидят капиталистов, но не капитал; и именно потому ненавидят *капиталистов*, что любят *капитал*. Капитал есть экономический фундамент коммунизма, который нуждается в его накоплении и концентрации. Однако новые капиталисты не любят именоваться капиталистами, и это не только в том смысле, в каком Робеспьер не любил именоваться тираном: нет, скромные права «буржуазии» слишком ничтожны для этого суверенного положения: «капиталист» означает ограниченную, только экономическую силу — здесь же власть неограниченная: экономическая и политическая, необычайная гипертрофия власти, неведомая никакому историческому государству!

Существует ли *качественная* разница между капитализмом и коммунизмом или разница существует только *в степени*!

Конечно, есть разница качественная и принципиальная, как между пределом и приближением к пределу, как между прямой и кривой. Возрастание болезни имеет своим пределом смерть. И, конечно, есть качественная разница между болезнью и смертью. Капиталистическая болезнь общества состоит *в извращении субъективного права*, права собственности, свободы договора, автономии частного хозяйства (подобно тому, как болезнь современной демократии есть извращение политической автономии),

это извращение коммунизм предлагает устранить посредством *уничтожения* субъективного права, права собственности, свободы договора, автономии, — т. е. посредством уничтожения того, что в капитализме является остатками прежнего здоровья общества, остатками права и справедливости.

Что можем мы сказать принципиально в защиту капитализма? Конечно, капитализм есть рай земной по сравнению с коммунизмом, и в частности рай для рабочих и крестьян: бедняк еще может сделаться средняком, средняк — кулаком... Здесь еще есть надежда на жизнь, на счастье, на свободу. Болезнь небезнадежна, ибо еще теплится жизнь. Предпочтем ли мы «стабилизацию капитализма»? В силу усталости от пребывания в русском коммунизме, в силу отвращения к опытам социальной вивисекции и дрессировки, в силу, наконец, морального чувства к остаткам права и свободы в капитализме, — конечно, предпочтем для себя, для близких и родных, для всего несчастного послевоенного поколения. Но кто хочет не только передышки, кто смотрит вперед, тот должен помнить, что стабилизация капитализма есть *стабилизация болезни*. Она нежелательна и невозможна: болезнь не стабильна, она движется или к выздоровлению, или к ухудшению, и общество не стабильно, оно динамично, оно растет или увядает. И нельзя желать стабилизации болезни: плохое утешение для больного, что иначе будет еще хуже; особенно нельзя рекомендовать «стабилизацию» тем, кто наиболее страдает от болезни капитализма: существует отчаяние, и оно может предпочесть коммунистическую смерть, лишь бы избавиться от невыносимого положения (*Tant pis, il faut changer!*²). Однако вовсе не верно, будто болезнь капитализма необходимо и фатально развивается в сторону *концентрации*, имеющей своим пределом коммунизм, как это думал Маркс. Такой фатальности не существует. И здесь, в своей главной социологической концепции, марксизм терпит полное крушение.

Коммунизм действительно доводит до крайнего предела и концентрирует все болезни капитализма, но коммунизм есть не единственное направление для развития общества: существует другое, противоположное; внутри капитализма возможно обратное движение, своего рода самоизлечение, и оно необходимо должно идти в направлении, обратном концентрации, направлении антикоммунистическом — к децентрализации капитала. Такое движение мы имеем в Америке. Рабочие становятся акционерами предприятий. Происходит изумительный процесс демократизации состава хозяев в промышленности и получателей прибылей. Мы имеем новые явления «рабочих капиталов», помещением которых занимаются специальные рабочие банки. Рабочие организации в Америке

уже не ограничиваются скромными целями взаимопомощи и организации забастовок — они стали мировой финансовой силой, обсуждающей вопрос о том, не взять ли им в свои руки железные дороги Америки. С другой стороны, наряду с таким «рабочим капитализмом» развивается и капитализм «потребительски» кооперативный. Так, акции целого ряда электрических обществ перешли в руки потребителей энергии. А. Кулишер вполне справедливо предвидит, что большинство старых и «устоявшихся» предприятий может перейти в руки рабочих союзов или кооперативных организаций, а для крупного частного капитала останется пионерская роль: организация новых предприятий и новых отраслей промышленности.

Что это: «рабочий капитализм» или социализм? Нет, это крайняя противоположность капиталистической и коммунистической концентрации. Здесь нет никакой тирании, никаких правонарушений, никаких ограблений, никакой революции. Все, что в капитализме есть здорового и ценного, здесь усиливается и возрождается: все построено на развитии субъективного права, на восстановлении свободы договора и на развитии свободы союзов, всего того, что отрицается принципиально коммунизмом и частично всяким социализмом. Удивительным образом здесь сохраняется и абсолютная свобода конкуренции и все то ценное, что в ней заключено; частный предприниматель и частный инициатор может оказаться талантливее всякой кооперации и всякой рабочей организации; тогда он победит в свободном состязании, но может произойти и обратное явление. То, что здесь совершается, — есть восстановление автономии частного хозяйства, составляющей настоящую и подлинную экономическую и правовую ценность антисоциалистического характера. Направление этого движения прямо противоположно всякому социализму и коммунизму: через демократизацию промышленности к идеалу безвластной организации (анархический предел всякого либерализма).

* * *

Откуда могло возникнуть странное мнение, что социализм и коммунизм занимаются освобождением рабочих и крестьян? Что общего между коммунизмом и рабочими? Откуда явилась мысль, что социализм есть единственный ответ на «рабочий вопрос»?

Европейские рабочие все еще не могут догадаться, что социализм есть вполне правильный ответ, но на совсем иной вопрос, мало для них приятный, — на вопросы *как властвовать над рабочими?* Платон, творец коммунизма, именно так понимал «рабочий вопрос»: как сделать, чтобы правители-философы и стражи

властвовали над ремесленниками и земледельцами? С тех пор ничего не изменилось в постановке вопроса.

Нам скажут: но неужели можно игнорировать тот факт, что социалисты и коммунисты заботятся о рабочих, о их жизни, о их здоровье, о количестве их труда, даже порою (если они не марксисты) искренно любят рабочих? Можно ли забыть Жореса, покоящегося в Пантеоне? Это несомненно, и даже необходимо: наездник любит лошадь, на которой он выигрывает призы, и погонщик любит своего осла; осел может ему доверить свою судьбу: он не даст ему умереть с голода, будет даже лечить и давать отдых; одно, в чем нельзя быть никогда уверенным: он может продать своего осла.

Платон требовал коммунистической власти над рабочими и крестьянами *во имя идеи*; иной «партиец» тоже вообразит, что нужно властвовать над ними *во имя идеи*, и даже видные теоретики партии иногда к этому склонялись. Но истинный философ марксизма не может допустить такого платонического идеализма: в материалистическом мирозерцании нет места идеям и ничего не делается во имя идеи — все делается во имя интереса и материальной выгоды, все есть надстройка над экономическим фундаментом. Интерес и материальная выгода властвования над рабочими и крестьянами — очевидны. Таково материалистическое объяснение существования коммунистической партии.

Но, может быть, интерес и выгода властвующих совпадают с интересом и выгодой подвластных? Может быть, интерес партии совпадает с интересом и выгодами рабочих и крестьян? Так что последним выгодно вручить власть «компартии»? Это означало бы, что ослу выгодно вручить власть погонщику; его собственное благо требует полного повиновения: тогда он будет сыт и цел. Замечательно, что таким именно путем Аристотель доказывал целесообразность рабства — путем совпадения интересов: существуют рабы по природе, их подчинение выгодно им самим. Это рассуждение будет убедительным для рабочих и крестьян только в том случае, если они признают себя рабами по природе или ослами. Русские рабочие и крестьяне давно почерпнули эту мудрость из пережитого трагического опыта. Удастся ли ее как-нибудь и когда-нибудь передать западной Европе? Но неужели никакие рабочие, кроме русских, не догадались о том, что социализм вообще не имеет ничего общего с рабочим вопросом и нужен только тем, кто никогда не был рабочим и никогда не собирается им стать? Такие рабочие есть! Кое-кто до этого додумался, и прежде всего Председатель Американской Федерации Труда, глава и истинный представитель американского рабочего движения — Самуэль Гомперс³. Он является несомнен-

ным представителем американского рабочего движения, самого сильного в смысле организации и самого пролетарского по своему составу. Оно состоит из действительных рабочих и опирается на демократически организованные профессиональные союзы, и сам Гомперс был настоящим рабочим. И вот все это движение вовсе не связано с социалистической идеологией и даже по своему духу является резко антисоциалистическим. Громадный интерес в этом отношении представляет посмертная автобиография Гомперса, только что появившаяся (он умер в 1925 г.). Гомперс убежден, что профессиональное рабочее движение совершенно не нуждается ни в каком социализме, т. к. социализм совсем не разрешает рабочего вопроса и вообще никакого социального вопроса не разрешает: «С экономической точки зрения вы ошибаетесь (так же он обращается к социалистам), с социальной точки зрения вы неправы, с промышленной точки зрения вы невозможны». Этот действительный представитель общественного мнения американских рабочих, «король четвертого сословия», наложивший свое «veto» на все проекты признания большевиков, тот, согласия которого президент Вильсон спрашивал перед объявлением войны, — он один высказал то, что для банальных социалистических писаний кажется ошеломляющим парадоксом: что советская система является *действительным выражением социализма*. Вот над этим стоит задуматься: глава американских рабочих отказался признать коммунизм, т. к. он преступно нарушает права и интересы рабочих. Нужно еще иметь в виду, что Америка есть страна, в которой лучше всего живет рабочим, тогда как нигде рабочим не живет так плохо, как в единственном социалистическом государстве мира.

* * *

Но и во Франции, постоянно носившейся с социализмом, был мыслитель, уже давно высказавший то положение, что социализм совершенно *не нужен рабочим* и совершенно не решает рабочего вопроса и социального вопроса. Этим мыслителем был Прудон, к голосу которого начинает все более и более прислушиваться французский синдикализм; быть может, он будет наконец услышан и широкими кругами французских рабочих. Сила Прудона в том, что он принял в свое сердце и выразил своим разумом все ценное, благоразумное и правомерное, что есть в стремлениях рабочих к освобождению и к борьбе с эксплуатацией. Будучи глубочайшим *противником капитализма*, он, однако, пророчески предвидел и предсказал, что социализм и коммунизм будут еще гораздо худшим всеобщим угнетением. Рабочий вопрос здесь

решается так: все население обращается в пролетариат*, управляемый абсолютной властью так называемых «социалистов». Все социалисты на вопрос о том, как реализовать их утопии, отвечают одинаково: необходимо немедленно вручить им, социалистам, всю *власть* и все *богатство* страны**. Таким образом социалистические правители становятся монопольными капиталистами и коммунизм превращается в карикатуру капитализма***. Вожди социализма необходимо становятся эксплуататорами и угнетателями****. Вот почему рабочие прежде всего, а затем и все друзья свободы и раскрепощения должны с отвращением отбросить такое решение социального вопроса. Прудон дает им такой завет, в котором выражает свое основное убеждение, свое *profession de foi*⁹ и свой критерий: «Quiconque pour organiser le travail fait appel au pouvoir et au capital a menti, parce que l'organisation du travail doit être le décheance du capital et du pouvoir» *****¹⁰.

Прудон так современен, так свеж и так нов, по сравнению с рутинной социализма, именно потому, что утверждает *антикапитализм* и *антиэтатизм*; его пафос есть пафос свободы, права и справедливости, и коммунизм он отвергает как абсолютное нарушение свободы, как худший вид монопольного капитализма и государственного абсолютизма. Принцип коммунизма, говорит Прудон, есть *диктатура*: диктатура индустрии, диктатура торговли, диктатура мысли, диктатура социальной жизни и частной жизни, диктатура — везде. Такова его догма, в согласии с Платоном, Робеспьером, Наполеоном и Луи Бланом. Коммунизм неизбежно приходит к *абсолютизму*. И тщетно указание на то, что это абсолютизм «переходный»: «La transition est éternelle!»^{6*}¹¹.

* «Chacun est ouvrier national, et travaille au compte de l'État, qui ne paye personne». Proudhon. Philos. de la misère⁴. Oeuvres compl. Paris, 1923. Ed. Marcel Riviere. Vol. II, p. 284.

** Ib. 270, 272.

*** «Chaque fois qu'il essaye de se reproduire il se résout en une caricature de la propriété»⁵. Ib. 258. Когда Прудон нападает на собственность, он всегда имеет в виду *капиталистическую* собственность. Для него ясно, что коммунизм есть предельный капитализм: «La communauté c'est la propriété! Ceci ne se comprend plus et pourtant c'est indubitable»⁶ (ib. 301). «Il n'y a rien dans l'utopie socialiste qui ne se retrouve dans la routine propriétaire»⁷ (ib. 293).

**** «Inégalité dans le partage des biens... voila ce que veulent ces reformateurs hypocrites, a qui la justice, la raison, la science ne sont rien pourvu qu'ils commandent aux autres et qu'ils jouissent. Ce sont, en tout, des partisans déguisés de la propriété: il commencent par prêcher le communisme, puis ils confisquent la communauté au profit de leur ventre»⁸. Ib. 276–277.

***** Ib. 310.

^{6*} Ib. 301. Коммунизм есть полицейская организация индустрии. Ib. 293.

Прудон был самоучкой в философии и не обладал философским богатством, но все же мы не встречаем у него той «нищеты философии», которую неизменно обнаруживает Маркс и за ним современные социалисты. Прудон умеет видеть сущность и чувствует историческую связь идей. Он понимает, напр., что коммунизм есть предельное выявление сущности социализма*, он чувствует, что Платон выразил *идею* коммуны.

* * *

Прошли долгие века индивидуальной тирании и индивидуального преступления, и наступил век социальной тирании и социального преступления. Социальное преступление бесконечно страшнее индивидуального. Один депутат коммунист во французском парламенте, отвечая на обвинения партии в убийстве лиц, присутствовавших на избирательном собрании, сказал: «Мы не признаем индивидуального террора, мы признаем только массовый!». Это значит: мы кладем в основу принцип социального преступления. Задача международного коммунизма организовать социальное преступление «в мировом масштабе». Индивидуальное преступление проходит, забывается; социальное преступление пребывает, увековечивается памятниками, на нем воздвигается мнимое благосостояние презренных масс, оно не знает раскаяния, ибо легализуется, возводится в закон, в принцип, в идею. Революционная идеология есть самооправдание и самовосхваление социального преступления; но точно так же идеология тиранически-инквизиционная; и каждый революционер — это надо помнить — мгновенно превращается в великого или маленького инквизитора. От *contrat social*¹⁴ Руссо до коммунистического манифеста продолжалась разработка идеологии социального преступления и социальной тирании. Сходство того и другого в том, что *volonté générale, la commune*¹⁵ желала совершать преступления и провозглашала: все позволено во имя коллектива.

Идеология преступления знает два пути: один — отрицание всяких абсолютных (мистических) запретов, «все позволено», и нет различия между добром и злом; другой путь — оправдание преступления какой-либо возвышенной и обыкновено бесконечно далекой целью. Руссо, Робеспьер и все сентиментально-риторические палачи революции избирали второй путь. Марксистский коммунизм избрал оба. Он поставил проблему сначала так: какое миросозерцание отрицает преступность преступления и дает «все

* «Социализм» и «коммунизм» везде употребляются *promiscue*¹². См., напр., *ib.* 280: «*La communauté ou le Socialisme*»¹³...

позволено»? И нашел решение: безрелигиозный материализм. Достоевский раскрыл смысл этой диалектики преступления. Безрелигиозный материализм есть то мирозерцание, на котором маркиз де Сад с изумительной последовательностью строил свое кощунственное обоснование преступления и вражды к Богу. Маркс во всем несамостоятельный эклектик, и здесь имеет за собою солидный авторитет. Де Сад отлично знал и диалектику «экспроприации экспроприаторов». Он именно утверждал, что все суть грабители и ничтожества, а потому всех можно грабить и уничтожать. Он стоит только на несравненно более невинной точке зрения индивидуального преступления. Для него преступление и ненависть есть еще *Privatsache*¹⁶.

Напротив, Маркс социализировал, обобществил ненависть. Впрочем, всякая революция обобществляет орудия производства преступления: гильотина не может быть частной собственностью. Этого не допускает принцип социализации преступления.

Самые великие преступления, совершенные на земле, — были *социальными преступлениями*. Они не были совершены индивидуальными преступниками, корыстолюбцами или безумцами, рисковавшими головою. Достаточно вспомнить отравление Сократа и распятие Христа. Преступления революций тоже были социально организованными и социально оправданными преступлениями, и они имели своих теоретиков и свою идеологию. Тот, кто наблюдал сам или созерцал в памяти истории ту низкую жажду преступления, которая неудержимо захватывает революционную чернь и революционных инквизиторов, не может не спросить себя: неужели «гуманно прогрессивные» идеи какого-нибудь Руссо или Маркса сами по себе и непосредственно рождают эту злобу? Или, напротив, все подонки души и подонки человечества жадно схватились за какую-то «идею», чтобы иметь право совершать преступления? «Идея» эта большей частью никем ясно не мыслится и весьма различна в различные века, но одно неизменно и устойчиво: наличность «добровольцев», жаждущих броситься совершать безнаказанные и оправданные преступления.

Существуют ли революционеры и великие инквизиторы, которые до конца уговорили себя, что совершаемые ими преступления суть подвиги? Едва ли. Достоевский колебался в ответе на этот вопрос. Но если бы такое самоубеждение было достигнуто, то, конечно, это было бы пределом преступности. Ибо если Сократ считал пределом глупости дурака, считающего себя мудрецом, то предел низости — это злодей, воображающий себя благодетелем человечества.

Такого рода благодетели и друзья человечества редко стоят на точке зрения неразличения добра и зла; чаще всего они пред-

почитают оправдывать зло какой-либо прекрасной и бесконечной далекой целью: террор, диктатура, тирания, «к сожалению, необходимы» для грядущего царства свободы, которое, конечно, придет не скоро, очень не скоро. Если официальные и прогрессивные историки французской революции несколько смущенно говорят о Сентябрьской резне¹⁷ как «излишней жестокости», которая, однако, дала возможность *многого достигнуть* в смысле республиканского благосостояния, — то все же они должны признать, что грядущее царство свободы, требуемое теорией прогресса, по-прежнему предстоит в бесконечном удалении и необходимы «к сожалению» новые жертвы, чтобы еще приблизиться к этому светлому царству... и т. д. до бесконечности. Бесконечно далекий идеал обеспечивает бесконечную возможность совершения преступления, любовь к дальнему санкционирует бесконечную ненависть к ближнему.

Таков революционно-прогрессивный принцип, оправдывающий преступление. На нем покоится теория социальной революции и диктатуры пролетариата, на нем покоится коммунизм и в значительной степени современный социализм. И он в известном моменте логически и исторически совпадает с консервативно-инквизиционным принципом. Тот и другой имеют общую предпосылку в своей политике. Она навеки запечатлена Каиафой:

«Вы ничего не знаете и не подумаете, что лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели, чтобы весь народ погиб»¹⁸.

Вот вечная формула социального оправдания преступления: весь народ — это *la commune*, коллектив. Согласно этой формуле был распят Сын Человеческий и долго еще будут распинаться сыны человеческие.

Можно бесконечно изменять и ослаблять содержание этой формулы, но она всегда останется формулой преступления; можно сказать: лучше у одного отнять, нежели чтобы другие были лишены... Лучше одного лишить прав и унижить, нежели чтобы другие были лишены прав и унижены... и т. п.* Однако никогда и ни в каких революциях она не применялась в таком ослабленном виде: бескровных революций не бывает.

Но формула Каиафы вовсе не есть только революционная формула: Каиафа не был революционером, и Сократ был отравлен

* Пусть не скажет кто-либо, что неправда этой формулы раскрыта Кантом: действуй так, чтобы *человечество*, как в твоём лице, так и в лице каждого другого, никогда не было для тебя только средством, а всегда вместе с тем и целью. Эту формулу соблюдал и Робеспьер: *человечество* всегда было для него целью, даже в лице казнимых!

не революционным, а консервативно-реакционным демократическим большинством. Здесь должно наступить некоторое смятение в головах у тех, кто отождествляет консерватизм с добром и революционность со злом, совершенно так же, как и у тех, кто поступает наоборот; то и другое есть особая форма морального идиотизма, распространившегося в XIX веке. Прогрессисты и консерваторы, революционеры и реакционеры могут совпадать в своем отношении к социально-оправданному преступлению. Революционер, захвативший власть, мгновенно становится охранителем и инквизитором. «Великий инквизитор» тождествен с Шигалевым — он есть последнее слово реакционного рабства и последнее слово прогрессивно-коммунистической религии человечества. Пункт тождества того и другого есть абсолютное уничтожение индивидуальной свободы и свободной индивидуальности. Это и есть сущность преступления (человекоубийство), и революционер, напр. Маркс, более чем кто-либо обязан признать свою «диктатуру пролетариата» — преступлением, равно как «деспотическое вторжение в право собственности» (выражение коммунистического манифеста), другими словами, грабеж и убийство, — ибо принципом всякой оценки является для него «царство свободы».

Но существует и другое миросозерцание: такое, которое с отвращением отвергает всякое благосостояние, построенное на человекоубийстве, всякое обогащение, построенное на отнятии, всякое освобождение, построенное на порабощении.

Нельзя разрешить себе преступление, хотя бы оно было уничтожением скверной старушонки или мучением ребенка, необходимым для «блага человечества». А если разрешить, то это значит встать на путь Каиафы. Для христианина вопрос этот решен. Но и для не христианина, в сердце которого есть еще закон совести, в душе которого есть еще честь и справедливость, — вопрос решается также. Если бы действительно *удалось* на некоторых «необходимых и неизбежных» преступлениях построить общее благосостояние, обогащение и даже справедливое устройство, то оно было бы особенно мерзким, гнусным и обреченным на вечное проклятие и своею удачею безмерно увеличило бы тяжесть греха и преступления. Есть ли что презреннее преступника, устроившего на плодах преступления тихую, скромную, добродетельную семейную жизнь? А если такая жизнь устраивается не индивидуальным, а социальным преступлением, то ее называют «завоеванием революции»! Только низкая чернь, не знающая никакой чести, может мечтать о честной и мирной жизни добрых граждан, которая будет построена на убийстве Андре Шенье, Лавуазье, короля и королевы и бесчисленных, невинно-казненных жертв.

Удавшееся преступление, конечно, хуже неудавшегося. Но великая милость Провидения состоит в том, что революции *никогда не удаются*, так же как и тирании: они разрушаются тираниями, так же как и тирании разрушаются революциями. И дурная бесконечность этого порочного круга, которую заметил еще Платон, хотя и не знал истинного выхода из нее, есть дурная бесконечность греха и преступления. Достаточно какой-нибудь революции провозгласить: «хлеб, мир и свобода» (а это провозглашали все революции), — как начинается голод, война и тиранья! В этом «Мне отмщение и Аз воздам», в этом великая милость Божия, не дающая человеку успокоиться на преступлении и на плодах его.

